

Стихотворение в бронзе

В 1845 году в Симбирске был воздвигнут памятник Н.М. Карамзину. Воплощенные в бронзе основные идеи памятника, созданного по проекту С.И. Гальберга, обрели также словесную форму под пером поэтов, воспевших карамзинский монумент. В стихотворениях русских поэтов воскресает поэтика гораціанской оды.

Известно, что Самуил Иванович Гальберг был одним из талантливейших русских скульпторов. После смерти Пушкина в 1837 году Гальберг, по им же снятой маске с лица только что почившего поэта, изваял его скульптурный портрет, поразивший современников «сходством, правдой, простотой и отделкой бюста». Незадолго до этого, в 1835 году, в содружестве с профессором А. Тоном, Гальберг завершил работу над памятником Державину в Казани (установлен в 1847 году). Поэт изображен, согласно «Спутнику по Казани» Н.П. Загоскина, «сидящим на табурете, с непокрытою головою, облеченный в тогу и обутий в неизбежные при этом сандали. Поэт приподнял вооруженную стилем правую руку, левою рукою поддерживает лиру. Глаза Державина обращены к небу: он воспеваает свою знаменитую оду Богу. Четырехугольный чугунный постамент, на котором водружена статуя поэта, с трех сторон украшен горельефами».

В 1836 году Гальберг представил в Совет Академии художеств рисунки эскизов и описание проекта памятника Карамзину. «Так как всякий памятник Славы определяется, — пишет он, — исключительно для увековечения великих и полезных деяний, то эта первоначальная или основ-

Фото А. Сытина

Главное украшение Симбирска – памятник российскому историографу Н.М. Карамзину, а город Казань украшает памятник российскому поэту Г.Р. Державину. Оба памятника были воздвигнуты по проекту талантливейшего скульптора Самуила Ивановича Гальберга.

ная мысль должна указывать потомству те подвиги или труды, коими поэт или герой стяжал себе право на монумент... Прилично и согласно с требованиями изящного было бы поставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правой возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию». Затем Гальберг описывает содержание барельефов, которыми украсятся боковые стены пьедестала. На одном – Карамзин, читающий в 1811 году Александру I «О славных опасностях и подвигах его предка Дмитрия Иоанновича Донского», на другом – Карамзин на смертном одре, окруженный друзьями и родственниками, держит в руках рескрипт, слова которого «Русский народ достоин знать свою историю. История, вами написанная, достойна русского народа», должны быть ясно видны», – подчеркивает Гальберг.

Был предложен также второй проект, где предполагалось представить статую самого Карамзина, который «стоит, оперши скрижали своей истории на колонну – эмблему несокрушимости».

Скульптурный образ Н.М. Карамзина в принципе мог быть решен и иначе, в соответствии с пушкинским определением: «Первый историк и последний летописец» – предположим, в облике Нестора. Однако в восприятии своих первых читателей он чаще соотносился с именами античных историков: Тацит, Ливий, Геродот. Поэтому не так уж нелеп был проект Гальберга, подвергшийся критике Н.М. Языкова (он, как известно, писал за границу Н.В. Гоголю в 1844 году: «Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековечную бессмыслицу!») и Ф.М. Достоевского,

отметившего в 1875-76 гг.: «...В Симбирске на памятнике Карамзину один из барельефов изображает Карамзина, читающего Александру I свою «Историю», оба в древних костюмах, т.е. голые, по крайней мере на 9/10».

Дело в том, что общая композиция памятника Карамзину, созданного по первому проекту Гальберга, принципиально соотносится с тематической композицией стихотворных текстов, объединенных идеей памятника «К Мельпомене» Горация, «Памятник» Державина). Сама «пространственная композиция» скульптурного творения воплощает тот же самый мотивный комплекс, который образует стихотворные произведения: помещение бюста Карамзина в нише и вознесение на пьедестал музы истории Клио, опирающейся на скрижали «Истории государства Российского» и держащей в руке трубу славы, выдвигает на первый план идею бессмертия творца в его трудах. Все необходимые компоненты мотивного комплекса, восходящего к античности: бессмертие, его обоснование (заслуги), обращение к музе и вывод о заслуженной славе – представлены в памятнике.

В стихотворениях Горация и Державина обозначена, кроме того, еще и «территория славы», очерченная руслами рек и морями: Ауфид, Давн – у Горация, Волга, Дон, Нева, Урал, Белые и Черные воды – у Державина. Образ реки символизирует поток времени. Волга, неподалеку от которой поставлен памятник Карамзину, тоже может восприниматься как элемент пространственной композиции, как «река времени в своем стремлении».

По наблюдению Н. Рамазанова в «Русском вестнике», «некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина», однако такое решение было в высшей

степени знаменательным, поскольку оно, невзирая на свои античные формы, отходило от гораціанско-державинской традиции личной славы и приближалось к пушкинско-гоголевской оценке Карамзина, к

смысле) не только царя, но и самого историка, помещенных на пьедестале. Муза в композиции памятника предстает, таким образом, как послушная лишь «веленью Божию».

На северном горельефе

идее высокого служения и самоотвержения.

Вознесенная на пьедестал величественная и прекрасная статуя Клио оказывается выше главою (и в прямом, и в символическом

Карамзин читает страницы «Истории государства Российского» императору Александру во время его пребывания в Твери в 1811 году (17 марта). Но хорошо известно, что вечером того

Карамзинская площадь. Разбивка сквера вокруг памятника Н.М. Карамзину. Никольская церковь. Фото А. Муренко. 1867 г.

же дня Александр познакомился с карамзинским трактатом «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» (известен под названием «Записка о древней и новой России»). Это был обзор русской истории, где Карамзин подчеркнул излишне насильственный характер реформ Петра I, осудил Екатерину II за аморализм, возведенный в ранг государственной политики, назвал правление Павла «жалкими заблуждениями» и, дав беспощадный анализ современности, заключил исключительно острой критикой всей внешней и внутренней политики Александра I. Проявив личную смелость и благородство, Карамзин оценил его реформаторские планы более реалистично, чем многие либеральные историки последующих эпох: он видел в них «не ответы на коренные вопросы русской жизни, а кабинетное административно-бюрократическое творчество, которое удовлетворяет лишь честолюбие бюрократов» — из биографического словаря «Русские писатели».

На южном горельефе Карамзин, лежащий уже на смертном одре, рукою отклоняет щедрые дары, сыплющиеся из рога изобилия, все оставляя потомству.

Узнав о пожаловании ему и его семейству «царского» пенсиона Николаем I (50 тыс. руб.), он промолвил: «Это уж слишком много». Всегда опасаясь зависимости, он в учтивой форме благодарил императора, но выразил ту же мысль: «Благодеяние чрезмерно: никогда скромные желания мои так далеко не простирались». И охлаждение, и награды Карамзин всегда воспринимал с стоическим спокойствием. Вспоминая свое выступление в Российской

Академии наук, Карамзин писал П.А. Вяземскому: «Когда добрый Шишков вручил мне золотую медаль и лучшая российская публика, по собственному внутреннему движению, встала при громе рукоплескания, противного академическому уставу, я был холоден: нужно ли объяснение? Неприятели и друзья! Вы не сделаете меня ни хуже, ни лучше — ни менее ни более. Если это не смирение, то и не гордость, а любовь к независимости, которую люблю любить...».

В русской литературе существует немало стихотворных текстов, посвященных Карамзину. Когда же поэты обращались не непосредственно к Карамзину, а к его монументу, в их произведениях начинали звучать мотивы державинского «Памятника», восходящего к античному источнику (ода Горация «К Мельпомене»), а само стихотворение приобретало стилиевые черты торжественной оды — соединение повествовательного и лирического начал, гражданственность содержания, трехчастное строение, исторические примеры, мифологические персонажи, образы природы, приемы ораторской речи, восклицания, высокая лексика, ямбические ритмы.

Представляет интерес проблема «памятника» в наследии Карамзина.

По мнению Карамзина, монументы обладают способностью пробуждать в потомках высокие чувства и склонять их к героическим деяниям. Не случайно Д.П. Ознобишин при открытии памятника Карамзину в Симбирске прочитал свое стихотворение, в котором выразил надежду, что...

*...русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.*

Стихи прозвучали дважды: на площади в момент открытия памятника и по просьбе присутствующих в зале гимназии после выступления М.П. Погодина.

В построении произведений просматриваются основные логические части оды: посылка, рассуждение, заключение, повторяющие ключевые моменты горацанской оды «К Мельпомене».

В стихотворениях явно присутствуют приметы одического стиля: церковнославянизмы, восклицания, риторические приемы.

Ознобишинское «Памяти Карамзина» прямо не соотносится с жанром оды, однако признаки жанра присутствуют в стихотворении. Закономерно появляется и тема реки как организующего момента художественного пространства и в то же время как конкретно-биографического образа:

*А ты, на чьих берегах замолкнул звук булата,
Два царства падиши омывшая волной,
Ты, мирно льющая обилие и золото,
Ликуй: он пестун твой!*

Да, Волга, он твой сын!

Образ русской реки приобретает концептуальное значение в свете последних трех строф, где представлен еще один необходимый компонент рассматриваемого мотивного комплекса: заслуги. Карамзин – это тот,

*«Кто время Грозного, бесстрастный и свободный,
Деянья темные потомству передал:
Впервые нам раскрыл язык простонародный;
Русь миру указал!*

*Кто щедро взысканный, мечтал и дней в закате
О славе родины, когда язык немел!
Над кем монарх скорбел, и в сделанной утрате
С Россией сиротел».*

Здесь мотиву заслуг придается сильное патриотическое звучание, но наряду с этим встает тема независимости, свободы писателя (историка) от земных владетелей.

Обратимся к стихотворению Н.М. Языкова «Стихи на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину» (1845). Н.М. Языков процитировал Державина, в первых же строчках открыто заявляя о своей принадлежности к горацанско-державинской традиции:

*Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!*

Далее, усиливая патриотическое звучание темы, Языков очерчивает время и пространство славы:

*Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит.*

Академик М.П. Алексеев пишет в своей книге «Пушкин и мировая литература», что после 1850-х годов в поэзии исчезает самое представление о «Памятнике» «в его реальном и переносном смысле – как добрая память о деяниях человека; это представление становится теперь уже чуждым поэтике». Однако это не совсем справедливо.

Ознобишинские «Стихи, произнесенные на 100-летнем юбилее российского историографа Николая Михайловича Карамзина в Симбирске, 1 декабря 1866 года» как будто

бы не обращены собственно к памятнику, они посвящены 100-летию писателя и историографа, однако и здесь легко обнаружить те же мотивы, которые создают тематическую композицию бронзовых и стихотворных памятников. И по заглавию, и по своим жанрово-стилевым особенностям оно вполне соотносится с одой.

Стихотворение и начинается с упоминания торжественного события – открытия памятника Карамзину (одновременно обозначено и традиционное «пространство славы» с характерным ориентиром – рекой):

*Торжественно приволжская страна
Свой памятник в Симбирске открывала,
России дар – в хвалу Карамзина!*

Далее звучит тема бессмертия в народной памяти.

Устанавливая связь между двумя событиями – открытием памятника историографу и наступившим юбилеем, поэт говорит о непрерывности традиций, о неувядающей любви народа к Карамзину. Воскрешая историка силой художественного воображения, Д.П. Ознобишин пытается взглянуть на недавнее прошлое (отмена крепостного права) и на свою современность (покушение на императора и др.), на случившиеся симбирские события (пожар) взглядом Карамзина.

Говоря о Карамзине как историке-патриоте, Ознобишин воплощает тему заслуг и, в соответствии не только с тематикой, но и с архитектоникой оды («ибо»), заключает итоговой мыслью о достойной деяний бессмертной славе, указывая также на временные ее пределы, точнее, ее беспредельность:

*Народной славе он сочувствовал сердечно
И вознесет его прославленный народ,
И будет имя жить его в России вечно,
Доколь в сердцах любовь к Отечеству живет!*

В рукописном отделе Пушкинского дома хранится другой вариант рассматриваемого стихотворения, значительно отличающийся от опубликованного. Однако выделенные мотивы зримо прослеживаются и здесь, причем даже более четко, вероятно, вследствие краткости и упорядоченности текста, поделенного на строфы (четыре восьмистишия). Эти четыре строфы подобны граням пьедестала, на котором легко вообразить музу истории.

В первой строфе говорится о недавнем событии – торжественном открытии памятника Карамзину. Согласно традиции и в соответствии с одическим стилем упоминается нисхождение одной из «горних муз», очерчивается пространство славы – Россия.

Вторая посвящена идее бессмертия, нетленной памяти в народах, преодолению смерти.

Третья строфа касается современных событий – покушения на жизнь императора и скорби Поэта, «когда б рассказ повел о злодеянье».

В заключительной четвертой строфе, в полном соответствии с традицией, делается заключение о заслуженном неувядаемом венце из лавров, о вечной жизни «в устах народа» и, подтверждая ожидание, является образ реки как символ пространства и времени.

Таким образом, симбирский памятник Карамзину поистине можно назвать стихотворением в бронзе.

Созданный на почве авторитетной и впечатляющей традиции (Горацкий, Державин), памятник Карамзину в своем идейно-композиционном решении во многом предвзвешивает пушкинское «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Карамзин, не страшась обиды, не требуя венца, хвалу и клевету приемля равнодушно, предстает как служитель музыки, послушной лишь велению Божию, как собрат поэта.

Любовь Сапченко